

Е Цзы опустился на колени на пол. Мысли путались, сердце бешено колотилось. Он прижался ухом к деревянной двери, но ничего не смог расслышать. Поднявшись, принялся мерить шагами комнату, затем достал телефон и начал набирать номер матери снова и снова, но дозвониться не удавалось. Он стучал в дверь — никто не открывал. Кричал — никто не отзывался. Казалось, во всём мире он остался совершенно один: никто не мог его услышать, никто не мог найти, никто не знал о его боли...

В ушах снова зазвенело. В правом ухе возник писк, похожий на стрекот летних цикад, который вскоре перекинулся и на левое. Перед глазами начали возникать пёстрые и совершенно хаотичные странные картины. словно в кинематографической нарезке, под звон в ушах перед ним замелькали образы: вот Цзян Вэй кричит и плачет, её кровь брызжет на него и на серые стены; вот измождённая мать сидит в лучах заката и смотрит в окно; вот кровь растекается под диваном, а голос сопрано становится жутким, словно у зомби; вот лишённый конечностей Чжан Тао ползёт к нему, харкая кровью и моля о помощи...

Он закрыл глаза, но понял, что это ничуть не помогает. Мир по ту сторону закрытых век оказался ещё страшнее — тёмный, бесконечный, пропитанный кровью и страхом. В этом чёрном водовороте его самый-самый любимый человек, его мать, кричала и плакала, а по её платью струилась кровь...

Нет!!! Никто не посмеет причинить боль его матери!

Ещё в одиннадцать лет он поклялся: что бы ни случилось, он будет защищать её. После того как мать забрала его и ушла из дома, он осознал, что в этой семье, где нет взрослого мужчины, он должен изо всех сил стараться быть тем, на кого мать могла бы опереться. Если возможно, он хотел стать для неё опорой вместо отца. Он желал, чтобы мать — женщина, растившая его больше двадцати лет, — обрела счастье. Желал, чтобы у неё была полноценная семья, чтобы она сохранила свои мечты и исполнила свои заветные желания...

Поэтому она не может умереть здесь! Она ни за что не умрёт! Гнев стал сильнее страха. Е Цзы резко вскочил на ноги и, отбросив всякую осторожность, принялся пинать дверь и бить в неё плечом. Затем схватил чайный столик и со всей силы обрушил его на дверную ручку. Сработало: деревянная дверь треснула, и он распахнул её мощным пинком. С покрасневшими глазами он выскочил наружу. Его лицо исказилось от ярости, тело била непрерывная дрожь.

А затем Е Цзы увидел. Его мать лежала на диване в неестественной позе, длинные волосы свисали до пола. Кожа приобрела пепельно-серый оттенок, бескровные губы приоткрылись.

Абсолютно безжизненная, она походила на труп в гробу. Е Цзы подбежал, приподнял тело матери и осторожно потряс:

— Мам! Мама!

Но мать не подавала ни малейших признаков жизни. Её тело было очень холодным, дыхание — едва уловимым, а кожа покрылась тонким слоем испарины.

Кролик, сидевший поодаль на диване, в этот момент острым перочинным ножом чистил яблоко. Кожура красивой спиралью покачивалась в воздухе — он орудовал ножом так, словно создавал произведение искусства. Глядя на него, Е Цзы почувствовал, как в груди вспыхнула жгучая ненависть. Он выхватил из рук Кролика его «произведение искусства», со злостью швырнул на пол и прорычал:

— Что ты с ней сделал?!

Кролик с искренним недоумением на лице поднял голову:

— Ничего я не делал, мы просто немного поболтали. Успокойся, она...

Не успел он договорить, как Е Цзы ударил его кулаком. Удар был очень тяжёлым: щека Кролика мгновенно распухла, а из носа и рта потекли струйки крови. Глаза Кролика тут же затуманились, его губы дрогнули — на лице читалась явная обида. Случись подобное раньше, сердце Е Цзы, наверное, уже дрогнуло бы от жалости, но в этот раз он даже не взглянул на Кролика.

Взвалив Хань Яо на спину, он выбежал на улицу, поймал такси и помчался напрямик в больницу. Всю ночь Е Цзы не сомкнул глаз. Благодаря своевременной медицинской помощи уже ранним утром следующего дня Хань Яо лежала в обычной палате под капельницей. Врачи поставили диагноз: нейрогенный шок. Иными словами, шоковое состояние, вызванное сильнейшим эмоциональным потрясением, например сильным испугом. К счастью, Е Цзы действовал быстро и оказался достаточно благоразумным: он снял с себя одежду и надел на

неё, а в такси положил её голову повыше и запрокинул назад, — иначе она вполне могла умереть.

Е Цзы у входа в больницу купил завтрак и остался дежурить возле кровати матери. Когда Хань Яо пришла в себя, Е Цзы с тревогой расспросил её о том, что произошло накануне. Однако Хань Яо лишь озадаченно посмотрела на него — она совершенно забыла о вчерашнем визите в особняк. Тем не менее, даже в таком состоянии она не забыла взволнованно спросить, живёт ли Е Цзы всё ещё с Чэнси, и снова стала умолять сына съехать оттуда.

Е Цзы кивнул. На этот раз это не было пустой отговоркой. Он действительно решил съехать от Кролика. На самом деле, до этого и отец, и мать уже много раз говорили ему: «Прекрати общаться с Кроликом». Хотя он всегда соглашался, но ничего не предпринимал. Ему приходилось признать: он просто не мог заставить себя с ним расстаться.

Всё это время он постоянно сталкивался с мучительной дилеммой. На одной чаше весов — оказавший на него глубочайшее влияние отец, горячо любимая мать и светлое будущее. На другой — его младший брат, человек, к которому он питал искренние чувства, и в то же время — безумный, безнадёжный, отвергнутый всеми, его любовник.

Надежда, которую подарил отец, позволяла Е Цзы начать жизнь с чистого листа. Отношения же с Кроликом были мрачными, лишёнными будущего. Не говоря о том, что их кровосмесительная связь была обречена таиться во мраке, одних только совместных преступлений было достаточно, чтобы впасть в отчаяние. В конце концов, стоило этой тайне выплыть наружу — и обоих ждала бы неминуемая смерть.

Любой сохранивший хоть каплю здравого смысла понял бы, какую сторону следует выбрать. Но Е Цзы не хватало духу. Ему было страшно. Он действительно не хотел видеть, как Кролик бьётся в истерике и рыдает из-за его решения. Будь его воля, он бы выбрал обе стороны.

Но в этот раз Кролик по-настоящему заигрался. Он прикоснулся к тому, чего касаться было категорически нельзя, — к Хань Яо. Ради матери Е Цзы смог пойти на убийство, и, разумеется, ради неё мог отказаться от этой абсурдной, уродливой привязанности.

Ближе к вечеру семнадцатого числа Е Цзы направился в особняк. Всю прошлую ночь он не сомкнул глаз, но, как ни странно, чувствовал себя на удивление бодрым. С каждым шагом он словно рождался заново. Розоватые отблески заходящего солнца, величественная музыка в наушниках, его тень на асфальте, то длинная, то короткая — всё это создавало некий театральный эффект. Словно сейчас он был главным героем драмы, облачённым в доспехи и сжимающим в руке острый меч. Он шёл не забрать вещи, а одним ударом отсечь своё тёмное прошлое, отсечь эти извращённые чувства.

Повернув ключ в замке, он вошёл в знакомую гостиную. Внутри царила кромешная тьма. Казалось, дома никого нет. Е Цзы было всё равно, дома ли Кролик. Он напрямик направился в свою спальню, достал чемодан и начал укладывать в него самое необходимое: одежду, книги, документы. Сборы заняли не больше получаса. Ничего не попишешь, личных вещей у него было совсем немного, ведь почти всё ему покупал Кролик.

Когда он вышел из комнаты, то обнаружил, что в гостиной горит свет. Точнее сказать, горел вообще весь свет: хрустальная люстра, настольные лампы, настенные бра — всё было включено, даже в антикварном подсвечнике на столе горели свечи. Тускло-жёлтые, мертвенно-белые и красноватые ореолы света сливались воедино. Хотя за окном и стояла ночь, в комнате было светло как днём.

От этого ослепительно-яркого сияния у Е Цзы возникло жутковатое чувство, будто его плоть, кости, кровеносные сосуды — абсолютно всё оказалось выставлено напоказ под этими лучами. Словно в нём не осталось ничего сокровитного. Впрочем, теперь это уже не имело никакого значения. Он шагнул вперёд и тогда увидел Кролика.

На Кролике была та самая рубашка, которая так нравилась Е Цзы. Чисто-белая, с воротником и манжетами во французском романтическом стиле, отороченными тонким серебряным кантом. Он сидел на диване, держа в руках книгу в тёмно-синем твёрдом переплёте, — «Поющие в терновнике». В чрезмерно ярком свете ламп его волосы казались ещё светлее, чем обычно.

Изначально Е Цзы вообще не собирался ничего говорить, но, поскольку они всё же

расставались, ему не хотелось доводить ситуацию до совсем уж безобразного скандала. Поэтому он произнёс:

— Я возвращаюсь домой.

Кролик слегка склонил голову набок, на его лице отразилось недоумение:

— А-Цзы, разве здесь — не твой дом?

— Давай расстанемся.

— Почему?

— Причину ты прекрасно знаешь, так что не прикидывайся дурачком...

— Послушай, а-Цзы, сегодня я весь день читал «Поющих в терновнике», и там есть один поразительно занятный эпизод. Хочешь, я тебе расскажу?

Е Цзы нахмурился:

— Мне это неинтересно.

Но Кролик продолжил:

— Как думаешь, что лучше выбрать: тринадцать миллионов фунтов стерлингов или любовь?

Е Цзы молчал.

— За тринадцать миллионов фунтов отец Ральф оставил Мэгги и стал кардиналом.

Е Цзы никогда не читал «Поющих в терновнике» и совершенно не понимал, к чему он клонит. Но Кролика это ничуть не смутило. С сияющим от радости лицом, перебирая тонкими бледными пальцами страницы, он поднял книгу и с глубоким чувством прочитал:

— Пепел розы, ах, пепел розы... Моя Мэгги, я уже покинул тебя. Но неужели ты не понимаешь, что стала для меня угрозой? Потому-то я и растоптал тебя каблуком своих амбиций, для меня ты — не более чем раздавленная в степи роза [1].

Дочитав до этого места, Кролик поднял голову. В его глазах переливался странный, пугающий блеск. Е Цзы, однако, не смотрел на него. Его взгляд был намертво прикован к красной розе под ногами Кролика — растерзанной, уничтоженной красной розе. Свежие бархатные лепестки были безжалостно растоптаны и вдавлены в пол, превратившись в грязное месиво. Казалось бы, Е Цзы уже ничего не должен был чувствовать, но в этот момент его снова захлестнуло острое чувство вины. До него дошёл смысл сказанных слов.

Кролик намекал, что Е Цзы бросил его ради богатства. Е Цзы хотел было возразить, но не смог выдать ни звука. Кролик шагнул к нему, и в нос тут же ударил густой, дурманящий аромат роз.

— Скажи, а-Цзы, почему ты не убьёшь Е Чэна?

На секунду Е Цзы онемел, не в силах подобрать ответ. Он невольно попятился. Впрочем, Кролика, похоже, совершенно не интересовал ответ. Он надвигался на Е Цзы. Слегка нахмурившись, с выражением святого сострадания на лице, он проворковал:

— Ведь всё было бы так просто, стоило лишь убить его. Убей ты его, и я бы окончательно поверил в твою любовь ко мне. После этого мы бы смогли долго и счастливо жить вместе. Так почему ты не убил его? Почему? М-м?

Е Цзы до смерти перепугался. Осторожно, шаг за шагом, он приблизился к нему:

— Е Чэнси, что с тобой? Ты... ты не пугай меня так...

Спустя полминуты Кролик вдруг резко поднялся — словно включившийся механизм. Вся дрожь, всё безумие исчезли без следа, будто этот припадок случился не с ним. С мертвенно-бледным, лишённым всякого выражения лицом он смотрел на Е Цзы сверху вниз. Именно такое лицо было самым пугающим — высокомерный, хладнокровный и жестокий взгляд хищника на свою жертву. Кролик редко демонстрировал подобное выражение перед Е Цзы: ведь оно появлялось, когда он был готов разрушать и убивать.

Е Цзы судорожно втянул воздух и, потянув за собой чемодан, попятился на несколько шагов, пока не вжался спиной в железную дверь. Нашарив рукой дверную ручку, он, словно боясь спровоцировать зверя, мягко произнёс:

— Ты сейчас не в себе. Нам лучше пока пожить отдельно. Вот когда мы оба немного успокоимся, тогда...

Голос Е Цзы оборвался. Потому что дверь не открывалась. Он резко обернулся и начал дёргать замок, пытаясь отпереть дверь, но всё было тщетно. Снова. Кролик снова запер дверь каким-то неизвестным способом.

В ярком свете ламп Е Цзы увидел, как из-за его спины вырастает монструозная тень и постепенно поглощает его собственную. Сердце бешено колотилось, по спине побежал холодный пот, который вмиг пропитал рубашку. Он признался себе: ему страшно. Кролик слишком безумен, его действия не поддаются никакой логике. Теперь Е Цзы уже не мог быть уверен в том, что Кролик не причинит ему вреда.

Невероятно ледяная рука коснулась его поясницы, а затем медленно, по-змеиному, заскользила вверх и вперёд. И вот холодное тело, источающее густой цветочный аромат, прижалось к нему сзади, заключив в объятия. Дыхание Кролика обжигало затылок, а голос звучал нежно-нежно:

— Я не отпущу тебя, а-Цзы.

Сдерживая гнев и страх, Е Цзы прошипел сквозь зубы:

— Ты хоть понимаешь, к чему это приведёт? Слишком многие знают, где я нахожусь. Очень скоро меня начнут искать. То, что ты делаешь, — преступление.

— Преступление? Да я уже давным-давно совершаю преступления.

Ледяная рука Кролика заскользила по шее Е Цзы вверх, пока плотно не накрыла его рот и нос. Почувствовав странный запах, Е Цзы с опозданием понял, что на руке Кролика было какое-то вещество. Его накрыла непреодолимая волна сонливости, тело обмякло, и он не смог вымолвить ни слова.

Кролик подхватил его вялое тело и, словно успокаивая дитя, нежно погладил по щеке. Опустившись на колени, Кролик с безграничной нежностью обнял погружающегося в сон Е Цзы. В его голосе звучало жуткое возбуждение и леденящее душу удовлетворение:

— Я так давно мечтал об этом, а-Цзы. Запереть тебя в клетке, словно канарейку, чтобы ты принадлежал только мне... Тогда никто не сможет отнять тебя у меня. Никто не сможет тебя забрать. Разве это не прекрасно?

Автору есть что сказать. [1] Орывок из второй части «Поющих в терновнике», 1921-1928, глава Ральфа. [2] Мэри Карсон — богатая пожилая женщина, питавшая болезненную страсть к тридцатилетнему отцу Ральфу. После своей смерти в возрасте семидесяти с лишним лет она оставила ему наследство в тринадцать миллионов фунтов стерлингов. Это искушение заставило его бросить любимую маленькую Мэгги (главную героиню, которой тогда было около десяти лет и которая также имела права на наследство, но новое завещание лишило её этих прав) и

купить за деньги своё будущее. Её завещание, пожалуй, и стало началом трагедии главных героев.

<http://bllate.org/book/14916/1582436>